

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая

Легкий стук в дверь. Людвиг отвела глаза от книги и прислушалась. Мягкий, но настойчивый стук повторился. Так стучит только старик Юзеф осторожно и вкрадчиво, как бы заранее извиняясь за беспокойство. Людвиг невольно взглянула на стрелки старинных часов.

"Первый час... Что заставило старика придти так поздно?"

Том Жеромского соскользнул по одеялу на ковер и, попав в круг света от настольной лампы, засверкал золотом букв на переплете. Едва ощутимый холодок, не то от шелка кимоно, накинутого Людвигой на обнаженные плечи, не то от смутной тревоги, заставил ее вздрогнуть.

- Это ты, Юзеф?

- Я, ясновельможная пани.

Уже по тому, что старик лакей вошел в спальню, позабыв низко поклониться, и по его растерянному виду Людвиги поняла: случилось что-то необычное.

- Пан граф Эдвард приехал, графиня...

- Что ты сказал?... Эдвард?... Где же он? - почти шепотом спросила Людвигу, хотя ей казалось, что она закричала.

Людвигу ожидала всего, только не возвращения мужа. Несколько мгновений она пыталась овладеть голосом, но безуспешно. Не помня себя, она выбежала из комнаты. В огромной гостиной - тусклый свет от свечи, поставленной на рояле.

Человек в серой солдатской шинели снимал с плеч вещевую сумку. Он быстро повернулся на стук открывшейся двери. Людвигу инстинктивно запахла кимоно - перед ней, заслоня свет, стоял незнакомый мужчина в надвинутой до глаз смятой папахе. Взгляд Людвиги с удивлением остановился на окладистой бороде незнакомца. Схватив Людвигу за руки, солдат притянул ее к себе. Она отшатнулась, но мужские руки держали крепко.

Когда чужое бородатое лицо приблизилось к ее глазам, испуг исчез так же мгновенно, как и возник. Теперь ни папаху, ни безобразная борода не могли обмануть. Глаза Эдварда она узнала бы среди тысячи других глаз - его чуть прищуренные глаза и тонкие, изогнутые брови над ними. И все же это не был ее Эдди, всегда такой элегантный, сверкающий золотом эполет гвардейский полковник.

Теперь от его усов и бороды, от грязной одежды несло едким запахом махорки и отвратительными испарениями мокрой шинели.

Могельницкий понял состояние жены. Поцеловав пушистый локон у виска, а не вздрагивающие пухлые губы, он отпустил ее. Рядом стоял вошедший Юзеф.

- Это он виноват, что я встречаю тебя в таком виде. Юзеф не должен был говорить тебе о моем приезде, пока я не вымылся и не переоделся, - тихо, как бы извиняясь, сказал Эдвард, снимая папаху. Устало провел рукой по спутавшимся волосам. Это знакомое движение пробудило в Людвиге чувство прежней близости к мужу. Ей стало больно, что грязная одежда и непривлекательная внешность дорогого человека на минуту возбудили в ней отвращение. Забыв о присутствии Юзефа, она прижалась к мужу и, охватив руками его голову, целовала родные, неизменившиеся глаза. И теперь уже он отодвигал ее от себя, осторожно, но решительно:

- Потом, Людвиг, потом... Я должен снять с себя всю эту гадость, а главное - вымыться. Мне кажется, грязь насквозь пропитала меня: последние два дня я ехал на паровозе и спал на угле, вернее -

А